

Министерство образования и науки Российской Федерации

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО»

Кафедра теологии и религиоведения

**Риски когнитивного капитализма в обществе знаний: социально-
философские основания**

НАУЧНЫЙ ДОКЛАД ОБ ОСНОВНЫХ РЕЗУЛЬТАТАХ ПОДГОТОВЛЕННОЙ
НАУЧНО-КВАЛИФИКАЦИОННОЙ РАБОТЫ (ДИССЕРТАЦИИ)

Аспиранта 3 года обучения
направления 47.06.01 Философия, этика и религиоведение
направленность «Социальная философия»
философского факультета
Карповича Павла Эдуардовича

Научный руководитель
докт. филос. наук, профессор

_____

М.О. Орлов

Зав. кафедрой
докт. филос. наук, профессор

_____

М.О. Орлов

Саратов, 2018 г.

Актуальность диссертационного исследования

Возникновение новых социальных явлений, знаменующих вступление общества в новую стадию экономического, политического и культурного развития, нуждается в социально-философской рефлексии. Несмотря на то, что за последние десятилетия возникло большое количество объяснительных моделей, стремящихся выявить основные тенденции изменений и предложить свой вариант дальнейшего развития человечества, значительная часть из них основывалась на чересчур поспешных, а оттого – чересчур оптимистических выводах. Концепция «информационного общества» являлась логическим следствием технологического оптимизма середины XX века, в значительной степени абсолютизовавшим последствия информационной революции.

В данном контексте концепцию «общества знаний» стоит рассматривать как естественную реакцию на безудержный оптимизм, выразившуюся в подчеркивании принципиально иных черт новой возникающей социальности. Она обратила внимание в большей степени не на светлые перспективы, открываемые перед человечеством технологическим прогрессом, а на тот факт, что социальные конструкции представляют собой более консервативный элемент онтологического устройства. В силу этого те информационные новшества, которые, по мнению некоторых теоретиков, объективно приближали наступление коммунизма, стали лишь орудием появления новых форм экономического, политического и культурного неравенства. Поэтому развитие идей «критической теории социального», заложенных в работах теоретиков Франкфуртской школы, и выведение их на новый прагматический уровень представляется весьма важной и актуальной задачей именно для социально-философского мышления. Если социологические и политологические теории предпочитают обосновывать сложившийся порядок вещей и лишь прогнозировать дальнейшие последствия информатизации и виртуализации общественного порядка, то оценочная функция социальной философии как раз и состоит в том, чтобы критически осмыслить возникающие явления и дать им целостную оценку.

Большое значение в этом смысле имеет появление в последние годы целого ряда явлений, непосредственно имеющих отношение к трудовой деятельности, но при этом не получающих достаточной разработанности в рамках уже существующих теорий, либо трактуемых ими в позитивистском ключе. Речь идет не только о возникновении новых социальных слоев, не предусмотренных классической «критической теорией» (например, прекариата), но и о трансформации самого процесса труда, выходе на передний план управленческих, а не творческих или производительных компетенций.

Степень научной разработанности проблемы

Сложность изучения исследуемой проблемы заключается в сочетании нескольких направлений социально-философской мысли, которые должны быть рассмотрены для достижения поставленных задач. Марксистская традиция в философии представлена несколькими этапами развития, каждый из которых принципиально важен для понимания логики возникновения концепции когнитивного капитализма.

Для классического марксизма основополагающее значение имеют работы самого К. Маркса.

В рамках неомарксизма существенную роль играют работы А. Грамши, Г. Лукача и представителей Франкфуртской школы (Т. Адорно, М. Хоркхаймер, Г. Маркузе).

Анализ данной традиции оказывается немислим без обращения к критической литературе, из которой стоит особенно выделить работы А.В. Бузгалина, Д. В. Джохадзе, Т.И. Ойзермана. В. Дамье и других исследователей.

Марксизм оказал воздействие на многих современных философов и социальных теоретиков, которые, в тех или иных аспектах, раскрывают проблемы трансформации критической традиции в современных условиях. К ним стоит причислить Д. Агамбена, Д. Ваттимо, Ф. Джеймисона и др. авторов.

Работы, посвященные обществу знаний, механизмам его возникновения и отдельным тенденциям развития, принадлежат целому ряду отечественных и зарубежных исследователей, из которых стоит особенно выделить Г. Бехманна, Д. Белла, П. Друкера и др.

Развитие «концепции когнитивного капитализма» знаменует собой следующую стадию развития критической теории, на которой происходит проблематизация роли информационных технологий в процессах поддержания и расширения социального неравенства. Развитие «концепции когнитивного капитализма» связано с именем целого ряда итальянских и французских исследователей, среди которых следует особенно выделить А. Горца, П. Негри, А. Корсани. Когнитивный капитализм как новая форма социального неравенства стал предметом исследования целого ряда мыслителей, в частности, К. Верчеллоне, М. Маяцкого, Э. Руллани, М. Пасквинелли и др.

Важным аспектом изучения неофеодализма как критической рецепции по поводу современного социального устройства является обращение к авторам, выдвинувшим тезис о новом Средневековья, к которым стоит причислить Н.А. Бердяева, У. Эко и др.

Среди отечественных представителей критической теории следует обратить внимание на работы В.П. Римского, В.Г. Федотовой, Н.В. Даниелян, В.В. Миронова.

Исследования саратовской философской школы позволяют применить к анализу когнитивного капитализма рискологический подход. В этом смысле важны работы В.Б. Устьянцева, В.П. Барышкова, В.П. Рожкова, Е.В. Листвиной. Большое значение для формирования авторской концепции имеет исследование антропологического кризиса в работах М.О. Орлова.

Таким образом, **объектом исследования** является общество знаний как современная парадигма социального развития.

Предметом исследования выступают риски когнитивного капитализма в условиях становления общества знаний.

Целью исследования является определение и изучение рисков когнитивного капитализма в обществе знаний.

Достижение поставленной цели предполагает реализацию следующих исследовательских задач:

1. Выявить предпосылки формирования неомарксизма как методологического основания критической теории.
2. Выделить модели общества знаний, исследовать концепцию когнитивного капитализма в качестве капиталистической модели общества знаний.
3. Выявить трансформацию труда в условиях когнитивного капитализма, определить специфику интеллектуального труда.
4. Определить системные риски когнитивного капитализма, построить их типологию.
5. Проанализировать понятие «человеческий капитал» в контексте социально-философского осмысления антропологического кризиса.
6. Обозначить тенденции перехода когнитивного капитализма в цифровой неофеодализм.

Методологическая база исследования. Методы и методики, используемые в работе для решения поставленных задач, можно объединить в несколько основополагающих подходов.

Основным принципом, определяющим выбор методологического аппарата исследования, можно назвать историзм, на основании которого осуществляется методологический синтез ретроспективно-исторического, деятельностного и диалектического подходов. В процессе структурирования научного материала используются методы абстрактно-теоретического познания и социального моделирования. Теоретической базой исследования являются исследования по марксизму и неомарксизму, а также общефилософские труды, посвященные тенденциям современного социального и антропологического развития.

Научная новизна:

1. Определена динамика развития неомарксизма как методологического основания критической теории социального;
2. Выявлены модели общества знаний (когнитивная, управленческая, капиталистическая), определены их сущностные характеристики;
3. Изучена роль интеллектуального труда в обществе знаний, сформулированы социально-экономические и социокультурные последствия перехода от материального к нематериальному производству;
4. Обосновано наличие системных рисков в когнитивном капитализме, выявлены виды рисков: нормативные, институциональные, коммуникационные и ценностные;
5. Проанализировано значение человеческого капитала в качестве симптома антропологического кризиса;
6. Определены и проанализированы основные тенденции, определяющие динамику социального развития при переходе от когнитивного капитализма к цифровому неофеодализму.

Положения, выносимые на защиту:

1. Потребность в возникновении неомарксизма была связана с социально-экономическими и технологическими процессами развития, которые привели уже

в конце XIX века к возникновению тенденций, не предусмотренных экономическими постулатами Маркса. В теории «культурной гегемонии» А. Грамши совершает переход от экономического давления к культурному воздействию, что переориентирует неомарксизм на изучение культурной сферы как основного инструмента осуществления капиталистического господства и, соответственно, ниспровержения этого господства. Адорно и Хоркхаймер способствовали антропологизации марксизма и формированию критической теории социального, выступившей против отождествления технологического и социального прогресса. Итогом антропологического поворота стало усиление внимания к изменяющимся формам социального отчуждения в условиях технологического обновления и распространения массовых коммуникаций. Научно-техническая революция способствовала постановке вопроса о возможности сохранения критической теории социального в условиях усиления роли информационных технологий и доминировании нематериального производства. Методологический потенциал критической теории оказался реализован в переосмыслении концепции «общества знаний» и направленности на анализ новых форм социального неравенства.

2. Общество знаний представляет собой концепт, описывающий происходящие изменения в рамках различных теоретических моделей. Сциентистская модель рассматривает общество знаний как синоним постиндустриального общества. Управленческая модель выделяет общество знаний как определенную стадию постиндустриального общества. Несомненным методологическим потенциалом обладает капиталистическая модель, которая противопоставляет общество знаний постиндустриальному, акцентируя внимание на сохранении классовых противоречий и становлении новых форм социального неравенства. В рамках данной модели под обществом знаний понимается стадия развития капитализма, на которой происходит переориентация производства с материальной на нематериальную сферу. Главным свойством общества знаний, которое существует пока только в качестве теоретической модели, является сохранения социального неравенства, но появление новых критериев социальной стратификации.

3. Концепция когнитивного капитализма в описании социальных изменений, происходящих в обществе знаний, делает особый упор на изменение типа трудовой деятельности с материальной активности на нематериальную. Анализ происходящих изменений должен дополняться рискологическим подходом, поскольку он акцентирует внимание на анализе негативных последствий принимаемых управленческих решений и стремится проанализировать тенденции социально-экономического развития в многообразии их позитивных и негативных проявлений. Превращение нематериального (интеллектуального) труда в основной вид трудовой деятельности приводит к целому комплексу изменений в организации труда и социальных практиках наемных работников. Наибольшим изменениям подвергается порядок организации труда и его пространственно-временные характеристики, которые способствуют размыванию границ трудовой деятельности и постепенному ее распространению на все сферы повседневного

человеческого существования. В условиях когнитивного капитализма происходит замещение наемного труда различными формами творческой включенности, что усиливает зависимость непосредственных производителей интеллектуального продукта от системы экономических и социальных институтов.

4. Существенным симптомом транзитивного состояния социума является усиление социальных рисков, причем в когнитивном капитализме следует различать ситуативные риски, являющийся лишь признаком неустоявшихся форм социального взаимодействия при переходе от одной стадии развития к другой, и системные риски, являющиеся атрибутами существования новой формы капиталистического строя. В данном контексте предлагается выделить четыре уровня рисков, возникающих в условиях когнитивного капитализма и влияющих на все социальные слои. Нормативный риск представляет собой сознательное использование правовых установлений для закрепления и сохранения социального неравенства. Институциональным риском является неспособность восприятия рабочим интеллектуального труда как креативного действия, фиксируемая и поддерживаемая экономическими и социальными институтами. Ценностный риск становления интеллектуального труда отражает, по нашему мнению, ориентацию на потребление символической стоимости результата труда, а также стремление к соучастию в процессе производства. Коммуникационный риск реализуется в становлении нового привилегированного слоя, вынужденного подтверждать исключительность своего социального положения с помощью сознательного противопоставления себя любым элементам традиционного социального устройства.

5. Понятие «человеческий капитал» в ракурсе когнитивного капитализма рассматривается не как способ преодоления антропологического кризиса, а как закономерная стадия капитализации человеческой сущности. На этой стадии капитализируются уже не только производственные навыки человека, но и его повседневная жизнь, желания и потребности, причем воспроизводство интеллектуальных компетенций превращается в предмет целенаправленного капиталистического воздействия. Когнитивный капитализм продолжает воспроизводить социальное и экономическое неравенство, но только на более глубинном, антропологическом уровне. Критерием социального статуса человека становится обладание определенным «человеческим капиталом», который представляет собой совокупность экономически востребованных навыков. В этом смысле современный капитализм переворачивает причинно-следственные связи, пытаясь создать иллюзию необходимости дальнейшего развития человеческого капитала.

6. Вступление капитализации человека в следующую стадию связано с развитием цифровых технологий, которые переориентируют индивида на реализацию собственных потребностей в виртуальном пространстве. Эта стадия может быть названа цифровым неофеодализмом, поскольку характеризуется ужесточением социальных барьеров под предлогом расширения человеческих прав и свобод. Цифровой неофеодализм возникает в начале XXI века и представляет собой новую стадию развития социального неравенства, на которой

происходит частичное возвращение общества к предкапиталистическим характеристиками, но на новом витке исторического развития. Основными тенденциями, порождающими цифровой нефеодализм, являются следующие: переориентация политического активизма на цифровое пространство; виртуализация и дигитализация трудовой деятельности; изменение хронотопа повседневного существования и ограниченная комбинаторика поведения; окончательная капитализация человека и его сведение к набору квази-творческих навыков.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Полученные в ходе исследования результаты могут быть использованы для дальнейшего исследования понимания и осмысления феномена социального неравенства в современном обществе знаний. В работе рассматриваются проблемы, которые уже испытывает на себе современный человек в результате становления новой формы социального устройства – когнитивного капитализма. Выводы, сформулированные в работе, могут быть использованы для критического исследования современных тенденций социального развития, в частности, для выявления рисков когнитивного капитализма и определения новых конфигураций социальных конфликтов. В этом аспекте диссертационное исследование может быть полезно не только в дальнейшем исследовании теоретических проблем, но и в выработке практических рекомендаций для органов власти и экспертного сообщества.

Апробация работы. Промежуточные и итоговые результаты исследования были обсуждены на методических заседаниях кафедры теологии и религиоведения СГУ им. Н.Г. Чернышевского, а также на научных конференциях, форумах и круглых столах различного уровня, среди которых: Всероссийская научно-практическая конференция молодых ученых «Революции: цивилизационный разлом или переворот?» (Саратов, СГНИУ, 17 февраля 2015 г.); Всероссийская научно-практическая конференция молодых ученых «Столкновение цивилизаций и амбивалентный человек» (Саратов, СГНИУ, 17 февраля 2016г.); Международная научно-практическая конференция Дыльновские чтения «Социология XXI века: традиции и инновации» (Саратов, 10.02.2017); Всероссийская научно-практическая конференция «Человек. Общество. Риски» (Саратов, 14-16.02.2017 г.); Всероссийская научно-практическая конференция «Многомерное общество и человек в XXI веке» (Саратов, 18.02.2018)

Основные положения и результаты диссертации отражены в научных публикациях, в том числе в трех статьях в рецензируемых журналах из перечня ВАК.

Структура диссертации включает введение, две главы (четыре параграфа), заключение, список использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во «Введении» обосновывается актуальность темы диссертации, осуществляется постановка проблемы, раскрывается степень разработанности проблемы, обозначается понятийное поле исследования, формулируются цель и задачи, объект, предмет, методы исследования, представлены методологические основы диссертации, обозначены положения, демонстрирующие новизну и теоретико-практическую значимость работы.

В первой главе «Когнитивный капитализм: критическая концептуализация общества знаний» делается попытка разъяснения и изучения теории когнитивного капитализма в контексте развития критической теории социального, а также обосновывается возможность применения данной методологии к анализу современных социальных явлений.

Содержание первого параграфа «После капитализма: неомарксистские интерпретации современного общественного устройства» нацелено на определение методологических оснований критической теории социального.

Возникновение неомарксизма напрямую связано с закономерными процессами трансформации марксистского учения, когда уже в конце XIX в. встал вопрос о том, что не все прогнозы самого Маркса сбылись в полной мере. Первой методологической реакцией на выявленные несоответствия стало возникновение ревизионистского направления в марксизме, которое попыталось примирить новые социально-экономические явления с основаниями марксистской доктрины. Именно в этот момент возник вопрос о внутренней противоречивости самой критической теории, содержащей в себе отсылки как к гегелевской диалектике, так и к позитивистскому мировоззрению. Разрешение этого противоречия имело громадное значение для существования марксизма как философского и политического направления, поскольку предполагало два возможных пути – либо упор на диалектику, что автоматически означало усиление антропологической направленности в интерпретации социально-экономических явлений, либо сохранение позитивистской ориентации, что было чревато догматизацией теории и сведением процесса социального развития к заранее установленным схемам.

В первую очередь, новые методологические основания исследования связаны с формированием новой концепции социальной динамики, которая отказывается от примордиалистского понимания социального субъекта и, соответственно, иначе определяет онтологический статус социума. В отличие от классической философской традиции, постклассическая социальная философия отказывается от жестких объяснительных схем, предлагая взамен рассмотрение общества как динамического единства относительно автономных элементов.

Постклассический вариант социальной динамики приводит к пониманию нелинейности исторического процесса, в частности, многовариантности путей исторического развития и возможности детерминации настоящего не только прошлым состоянием социальной системы, но и потенциальными будущими состояниями. Указанные тенденции непосредственно отразились на судьбе марксистской теории, способствовав ее трансформации в сторону постклассического типа рациональности, что проявилось в отказе от

умозрительных схем исторического развития и сосредоточении внимания на многообразии материальных и нематериальных факторов, воздействующих на тот тип общественного устройства, который сложился в современную эпоху.

Большую роль в становлении неомарксизма как особого интеллектуального направления, ориентированного на анализ нематериальной сферы общественной жизни, сыграл итальянский мыслитель А. Грамши. В своих «Тюремных тетрадах» он отказался от сугубо экономического понимания марксистской диалектики, сосредоточившись на политико-культурной составляющей процесса отчуждения. Его позиция имела большое значение для переориентации неомарксизма в направлении анализа процессов, протекающих в духовной сфере.

Ключевым для Грамши являлось понятие гегемонии, под которым он подразумевал доминирование определенного класса в культурной и политической сфере. Разумеется, в капиталистическом обществе гегемоном является класс буржуазии, что связано не только с сосредоточением в его руках экономических мощностей, но и с продуцированием капиталистической элитой культурных ценностей, которые усваиваются и разделяются остальными классами. Поэтому любое изменение общественного устройства, ориентированное на преодоление социального неравенства, должно иметь своей непосредственной задачей не экспроприацию материальных ценностей, а достижения доминирования в сфере производства ценностей нематериальных.

Важным этапом развития неомарксизма стала Франкфуртская школа, сложившаяся в Германии в 30-ые годы XX века. Ведущими теоретиками школы стали Т. Адорно, М. Хоркхаймер и Г. Маркузе, хотя ее вклад в развитие социально-философской мысли не исчерпывается стремлением проанализировать и сформулировать роль критической теории в условиях развитого индустриального общества.

Ведущим принципом Франкфуртской школы был антропологизм, понимаемый не только в теоретическом, но и в практическом плане. На уровне теории антропологизм выступал основным методологическим принципом, объясняющим закономерности социально-экономического развития и сводящим цель социальных изменений к увеличению степени человеческой свободы. На практическом уровне Франкфуртская школа поставила перед собой задачу преодолеть отчуждение человека в современном обществе, причем не только материальное отчуждение, но, в первую очередь, духовную закрепощенность, препятствующую свободному осмыслению протекающих процессов.

Существенную роль в складывании критической теории сыграл психоанализ, который обратил внимание на подсознательные механизмы, управляющие человеческой деятельностью, а также на возможность их использования в целях воспроизводства социального неравенства. Отношение психоанализа и марксизма были достаточно амбивалентными. С одной стороны, возникновение этой сциентистской доктрины вполне вписывалось в модель капиталистического общества, отказывающему человеку в его внутренней свободе и способности к самостоятельному действию. В конце концов, в рамках психоанализа место объективных биологических и культурных законов,

оправдывающих отсутствие свободы в поведении человека, занимал фактор бессознательных влечений, природных по своему содержанию, но вполне социальных по сфере реализации. Но с другой стороны, психоанализ содержал в себе тот критический потенциал, который, по мнению теоретиков Франкфуртской школы, мог быть использован для развенчания мифов капиталистического общества.

Вместе с тем, разрыв действительного и возможного отчетливо проявился именно в принципе удовольствия. Реализация этого принципа на практике, по мнению Маркузе, могла бы привести к примирению человека (как представителя конкретных социальных структур) с объективными биологическими закономерностями, лежащими в основе человеческого поведения. Общество окажется в состоянии отказаться от амбициозных проектов переустройства природы (в том числе, и собственной природы человека), что снизит угрозу глобального социального и антропологического кризиса. А сосредоточенность человека на удовлетворении собственных чувственных потребностей станет «противоядием» от капиталистического стремления к возрастающему производству. Но проблема заключается в том, что современное капиталистическое общество не пошло по пути примирения действий с биологическими принципами, а сделало ставку на подавление этих принципов. На психологическом уровне подавление биологической природы человека выражается в появлении и поддержании многочисленных комплексов, а в социальном смысле означает продолжение отчуждения и закрепощения одним классом другого. Тем не менее, утопический идеал фрейд-марксизма стал той позитивной моделью общественного устройства, которая была предложена неомарксистами в противовес господствующей капиталистической модели. Точнее говоря, эта модель была сформулирована как идеал существования человечества, оказавшийся недостижимым именно в силу неравновесного общественного устройства и неготовности господствующего класса отказаться от претензий на поддержание существующего социального порядка.

Во втором параграфе «Модели общества знаний в социально-философском дискурсе» анализируются основания и существенные отличия капиталистической модели общества знаний от других моделей современного общества.

Сциентистская модель общества знаний, предложенная П. Друкером, акцентирует внимание на знании как источнике эффективного управления. Друкер делает акцент на том, что классовое деление общества, абсолютизированное Марксом применительно к индустриальной стадии развития, не является единственно возможным вариантом социальной структуры. По крайней мере, устранение классового деления, как показывается история последних десятилетий, осуществляется не революционным путем, а с помощью технологических преобразований. Итогом этих преобразований становится превращение рабочего из пролетария в среднего буржуа, что представляет собой основную социальную предпосылку становления общества знаний. Как отмечает сам Друкер, «революция в производительности труда положила конец классовой войне и идеологии коммунизма».

Но если борьба классов больше не является важным критерием социального развития, то подобные критерии необходимо искать не в сфере материального производства или производственных отношений, а в изменении роли знаний в жизни людей. Друкер считает, что знание в качестве фактора социального развития проходит через три важнейших изменения.

На первом этапе, хронологически совпадающем с эпохой Просвещения, усиливается значение знания, что проявляется в постепенном сближении знания и технологии. Будучи кардинально разделенными на протяжении всего существования европейской цивилизации, они начинают сближаться, причем впервые конкретные навыки и способы воздействия на окружающую природу избавляются от негативного отношения со стороны «высокой науки» и становятся важнейшим, если не единственным, источником получения новых знаний. Знание еще не становится источником технологического обновления, но уже появляется представление о том, что оно порождается в процессе производства и основано на осмыслении прикладных достижений человечества.

Второй этап, охвативший весь XIX век и первую половину XX века, можно охарактеризовать, по мысли П. Друкера, как применение знаний к процессам труда. Интересно, что сточки зрения наибольшего воздействия гуманитарной науки на данный процесс, Друкер отдает пальму первенства не К. Марксу, а Ф. Тейлору, считая, что рационализация процесса производства больше способствовала улучшению положения рабочих, нежели доктрина диалектического материализма. Суть второго этапа заключается в том, что переворачивается соотношение технологии и теоретического знания. Пример Ф. Тейлора демонстрирует, что наука превращается в важный фактор улучшения процесса производства, поэтому отныне критерием научности становится возможность превращения знаний в прикладные навыки, используемые для повышения производительности труда. Индустриальное общество ставит науку себе на службу, что способствует повышению эффективности производства, а рост производительности труда становится попутно и фактором преодоления классового расслоения общества, поскольку приводит к резкому повышению уровня жизни простых рабочих. Тем не менее, модернизационный эффект от подобного изменения роли знаний оказался исчерпан уже к середине XX века.

С эти временем Друкер связывает начало третьего этапа развития человечества, когда знания становится основанием для производства новых знаний. Это переворот в самой структуре человеческой деятельности, поскольку он приводит не только к очередному изменению роли знаний, но и к формированию секторов производственной деятельности, ориентированных уже не на практическое применение разработанных теорий, а на продуцирование нового теоретического материала. Знание, по сути, превращается в самостоятельный и самодостаточный механизм производства общественных благ.

Для американского исследователя нет принципиального различия между знанием и информацией, поскольку накопление информационных ресурсов, по его мнению, становится естественным шагом на пути к усилению роли знаний как в жизни людей, так и в процессах производства.

Под знанием в данном случае понимается совокупность объективных данных о стадиях функционирования социальной системы, позволяющая предсказать дальнейшие тенденции ее развития и выработать оптимальные стратегии управления. При таком подходе общество знаний полностью совпадает с информационным обществом, представляя собой закономерную стадию процесса все большей рационализации социальных структур и повышения их эффективности. Показательно, что, несмотря на критику Маркса и отрицание его доминирующего влияния на анализ экономической деятельности, Друкер основывается на его классификации стадий развития общества. Формирующееся общество знаний выступает у него закономерным этапом общественного развития, который логически следует за капитализмом и является, в определенном смысле слова, аналогом «коммунистического будущего». Принципиальным отличием посткапиталистического общества от капиталистического является только переориентация экономической подсистемы общества с товарного производства на создание и воспроизводство социально значимой информации.

Управленческая модель общества знаний, нашедшая наиболее четкое отражение в работах Г. Бехманна, возникает на несколько десятилетий позже концепции П. Друкера и демонстрирует более глубокое понимание не только происходящих в экономической сфере изменений, но и взаимосвязи экономики с политикой. Важнейшей чертой современного общества, согласно Г. Бехманну, является тот факт, что «создается новый механизм непосредственного применения информации и знания в производственной и сервисной сферах, т.е. внимание фокусируется на процессе непрерывного обучения». Кроме того, нарушается принцип централизации факторов производства, который доминировал на протяжении всего существования индустриального общества, поэтому изменение роли информационных технологий простирается значительно дальше, нежели появление новой сферы промышленности. Исходя из этого, Г. Бехманн отказывается от отождествления информационного общества и общества знаний, считая, что между этими способами осмысления происходящих в обществе изменений существуют неоспоримые различия.

Общество знания является стадией информационного общества, в которой доминирующую роль приобретает политическая рефлексия по поводу социальных и экологических реакций на осуществляемые действия. Эта позиция роднит Бехманна с Друкером, но принципиальное отличие заключается в том, что подобная рефлексия оказывается возможна исключительно на основании деятельности экспертного сообщества. Поэтому становление общества знаний еще и означает превращение научного сообщества в особый класс экспертов, которые становятся частью властвующей элиты, поскольку именно от их профессиональной оценки зависит принятие или непринятие политических решений.

Главным идеалом современной цивилизации Бехманн считает концепт «устойчивого развития». Это понятие предполагает уже не безудержный рост промышленного производства, который был свойственен индустриальному обществу, а прагматическую ориентацию на неуклонность и планомерность

инноваций. Можно сказать, что на смену экстенсивной модели развития приходит модель интенсивная, которая, в большей степени, исходит из идеи ограниченности и невозобновляемости основных ресурсов, используемых в производственной деятельности. Эта позиция роднит концепцию «устойчивого развития» с экологическими идеями, получившими особую популярность в конце XX века. Знание в этом случае отождествляется, прежде всего, с научным знанием, претерпевающим в контексте изменения информационного общества два существенных преобразования: возникновение проектной деятельности как основного способа функционирования науки, а также изменение отношения к политике.

Проектная деятельность предполагает не просто ориентацию на будущее, но и принципиально новый подход к оценке научного знания. Оно не претендует отныне на абсолютную достоверность, а довольствуется лишь относительной вероятностью в условиях заранее заявленных существенных факторов, которые должны быть приняты в расчет. Научное знание ограничено не только экономическими рамками (например, заранее заданными параметрами решения проблемы), но и временными характеристиками, поскольку любое решение предполагает определенный «срок годности», после истечения которого становится необходим поиск нового решения.

Важность политики в качестве становления общества знаний определяется ее двоякой ролью. С одной стороны, она выступает в качестве источника и координатора устанавливаемых рамок, а с другой – служит проводником появления и реализации научных идей. По сравнению со сциентистской моделью не только меняется координация знания и политики, но и появляются новые черты. Принципиально важной становится ориентация политических механизмов на реализацию проектной научной деятельности. В рамках управленческой модели не теоретическое знание выступает источником политических и социальных преобразований, а политические институты выступают в качестве заказчиков научных моделей преобразований. Это и позволяет определить необходимость выделения общества знаний в качестве отдельной стадии общественного развития, поскольку на данном этапе происходит переориентация управленческих институтов с компенсаторных на превентивные решения.

Во **второй главе** «Трансформация общественных отношений в условиях когнитивного капитализма» автор рассматривает специфические формы трудовой деятельности и порождаемых ими социальных конфликтов, которые возникают в условиях когнитивного капитализма.

В **первом параграфе** «Противоречия и риски когнитивного капитализма в условиях интеллектуального труда» выявляются новые основания социального неравенства, порожденные переориентацией производства на выработку уникальных и неэквивалентных знаний, а также становлением виртуальных форм трудовой деятельности.

Методологические основания исследования современного нематериального производства представляют собой синтез теории когнитивного капитализма, представляющей собой закономерную трансформацию критической теории

социального, а также рискологического направления в современной социальной науке, представленного именами У. Бека, Э. Гидденса и саратовской школы социальной рискологии (В.Б. Устьянцев). Теория когнитивного капитализма акцентирует внимание на идеологизированном характере современных концепций общества, их стремлении завуалировать или совсем скрыть антагонистический характер социальных отношений. Вместе с тем, необходимо признать, что и сама по себе теория когнитивного капитализма носит ангажированный характер, поэтому ее использование в социально-философских исследованиях нуждается в существенной рефлексии.

Современное общество демонстрирует новую стадию развития интеллектуального труда, на которой он предстает уже не в качестве вспомогательной форма деятельности, а в качестве наиболее влиятельной производственной практики, определяющей трансформацию экономической структуры общества. Превращение интеллектуального труда в наиболее символически значимую сферу производственных отношений означает постепенную трансформацию сложившихся социальных структур, которая зачастую оценивается в позитивном смысле. Но вступление общества в стадию когнитивного капитализма не приводит к действительному освобождению труда, а обозначает лишь становление новых форм социальности, представляющих собой очередной способ закрепощения деятельностных способностей человека.

Парадокс интеллектуального труда заключается в том, что затраты на него трудно подсчитываемы и измеряемы, тем не менее интеллектуальная деятельность работников оценивается в соответствии с заранее определенной шкалой заработной платы. Подобное несоответствие позволяет владельцам предприятий эксплуатировать интеллектуальные способности своих сотрудников практически безгранично, используя их творческий потенциал без соответствующей оценки стоимости. Если в индустриальном обществе рабочий мог рассчитывать, что за определенное количество произведенных деталей он получит заранее оговоренную сумму, то современный офисный работник лишен предсказуемости в оценке собственных действий. Нематериальный характер труда не позволяет четко определить соответствие между выработанным продуктом и его оплатой, которая остается, по сути, на усмотрение работодателя. В этом смысле институт наемного труда не претерпел больших изменений по сравнению с классической формой капитализма. Положение рабочего не улучшилось, а ухудшилось, поскольку он потерял какие-либо гарантии, что затраченные им усилия будут соответственно оплачены.

Системный характер современных социальных рисков позволяет выделить несколько уровней их реализации: нормативный, институциональный, ценностный и коммуникационный.

Нормативный уровень социальных рисков заключается в том, что распространение интеллектуального труда во всех сферах человеческой деятельности сопровождается усложнением правовых аспектов регулирования и управления интеллектуальной собственностью. Авторское право, возникшее в качестве инструмента защиты прав производителей и разработчиков новых

технологий, превращается в инструмент социального отчуждения, поскольку ограничивает возможность рабочих использовать существующие технологии интеллектуального производства без соответствующих отчислений в пользу правообладателей. Если в случае материального производства необходимость таких отчислений обосновывалась амортизацией орудий труда, находившихся в собственности других лиц, с то с наступлением эры доминирования интеллектуального производства индивиды оказываются вынуждены платить за саму возможность осуществления трудовой деятельности. В этом смысле нормативные последствия внедрения интеллектуальной собственности становятся фактором риска с точки зрения не только технологического совершенствования общества (это определяется ограничением доступа заинтересованных участников к технологическим достижениям), но и позволяют воспроизводить и углублять существующие социальные границы. Социальный риск в нормативном измерении представляет собой сознательное использование правовых установлений для закрепления и сохранения социального неравенства.

Институциональный уровень рисков выражается в сохранении и воспроизводстве господствующих форм мышления, которые не позволяют реализовать потенциал информатизации и виртуализации трудовой деятельности. Следует оговориться, что социальный институт в данном случае понимается в феноменологическом смысле, а именно – как стереотипизированные способы восприятия и отношения к действительности, которые находят отражение в человеческом поведении. Таким образом, необходимо различать институциональную и организационную сферы проявления рисков. Возникновение специализированных организаций, отвечающих за регулирование интеллектуального труда, является проявлением сохраняющихся в общественном сознании форм мышления, препятствующих осознанию креативного потенциала интеллектуальной деятельности. По справедливому замечанию В.И. Бархатова, понятие творческого труда обязательно сочетает в себе внутреннюю и внешнюю оценку. С одной стороны, критерием креативности является стороннее мнение, способное сравнить конкретный произведенный продукт с аналогичными образцами, а с другой – сам рабочий должен осознавать творческий характер производимых им действий. «В качестве результата труда может выступать интенсификация производственного процесса, повышение нормы выработки, минимизация затрат предпринимателя, увеличение прибыли». Без учета одного из указанных критериев творчеством можно считать производство любого товара лишь на том, основании, что конкретный предмет создается впервые.

Мы считаем, что основным институциональным риском, в данном случае, становится неспособность восприятия рабочим интеллектуального труда как креативного действия. Подобная заикленность общественного сознания обладает амбивалентным эффектом. С одной стороны, она воспроизводит устоявшиеся стереотипы классического капиталистического общества, а с другой – способствует сохранению тех организационных структур, которые сознательно рутинизируют интеллектуальный труд, делают его элементом отчуждающей социальной структуры.

Ценностный уровень социальных рисков отражается в ориентации социальных групп на так называемые «постматериалистические ценности». С точки зрения представителей неолиберальной идеологии, возникновение данных ценностей знаменует собой закономерный этап экономического и культурного развития, означающий удовлетворение материальных потребностей. Но с точки зрения теории когнитивного капитализма постматериалистические ценности представляют собой разновидность «ложных ценностей», диагностированных еще Франкфуртской школой, на современном этапе развития. Еще Г. Маркузе указывал, что завуалированный цинизм капитализма заключается в отказе от непосредственного физического или экономического воздействия на работника и в возникновении нового типа идеологического воздействия, ориентированного на формирование искусственных интересов и потребностей. По его словам, «технология служит установлению новых, более действенных и ее приятных форм социального контроля и социального сплачивания. И, по-видимому, тоталитарная тенденция этого контроля утверждается еще и другим способом — путем распространения в менее развитых и даже доиндустриальных странах мира, а также путем формирования сходных черт в развитии капитализма и коммунизма». Несмотря на внешнее сходство, современный капитализм не отказывается от своей функции порабощения рабочего класса, но использует развитие нематериальных отраслей производства в качестве иллюзии увеличения степени человеческой свободы.

Эти процессы, приведшие к формированию общества потребления, трансформируются в условиях становления интеллектуального труда, становясь важными факторами человеческого поведения. Индивид ориентирован на те социальные и экономические практики, которые соответствуют его ценностным установкам, но эти практики выступают лишь эффективным способом реализации капиталистического устройства. Разделение данных ценностей, ориентирующих человека на отделение символического измерения труда от реально затрачиваемых усилий, становится фактором поддержания подобного порядка. Ценностный риск становления интеллектуального труда отражает, по нашему мнению, ориентацию на потребление символической стоимости результата труда, а также стремление к соучастию в процессе производства.

Наконец, на коммуникационном уровне риски проявляются в формировании новых форм социальных конфликтов. Новый рабочий класс («интеллектуальный пролетариат») лишается революционной силы, но при этом социальное напряжение в обществе сохраняется, нуждаясь в новых способах ослабления и устранения. Возведенные в абсолют креативные навыки становятся источником не только символического превосходства, но и вполне реальной линией демаркации общества на привилегированные и непривилегированные слои. Коммуникационные риски интеллектуального труда реализуются в становлении нового привилегированного слоя, вынужденного подтверждать исключительность своего социального положения с помощью сознательного противопоставления себя любым элементам традиционного социального устройства. «Текущая социальность» состоит в принципиальном отказе от любой социальной

устойчивости и стабильности, таким образом, остатки традиционных социальных групп становятся сырьем для возникновения виртуализированной и мобильной социальной структуры.

Во **втором параграфе** «Истоки антропологического кризиса в контексте капиталистической динамики» анализируются риски когнитивного капитализма и свойственные новой форме общественного устройства типы социального конфликта.

Осмысление кризиса европейской культуры получило широкое распространение в философии XX столетия. В рамках развития философии жизни О. Шпенглер видел в ослаблении традиционных ценностей Европы неизбежный переход от стадии культуры к стадии цивилизации («александрийство») в рамках завершения исторического пути западной цивилизации. Предельное одиночество человека и его отчуждение от общества в мире, отказавшемся от трансцендентного измерения своего бытия, раскрыто в философии М. Хайдеггера. Корни отчуждения человека Хайдеггер видит в европейской метафизике, противопоставившей субъект и объект и нашедшей свое воплощение в мире техники. По мнению Э. Гуссерля, односторонность европейского рационализма вытеснила смысловое начало из научного познания.

Одной из реакций на кризис европейской культуры в XIX столетии стало возникновение марксизма. По мнению А.В. Виноградова, «постепенное отмирание либерального индивидуализма, частной собственности и эксплуатации стало концентрироваться в учение, интегрировавшее социально-экономические изменения и нравственные принципы христианства». С учетом уже укоренившегося материалистического мировоззрения это учение приняло светский и материалистический характер. В материалистической парадигме коллективистских ценностей христианские идеи справедливости и установления всеобщего равенства формулировались как уничтожение неравенства, рассмотрению экономических причин которого был посвящен «Капитал» К. Маркса. Историческим предназначением социализма в данной интерпретации было преодоление нравственных изъянов индустриальной цивилизации и возвращение в Европу коллективистской парадигмы гуманизма. Как утверждает Виноградов, это был материалистически обоснованный ренессанс культурной платформы традиционного общества, синтез коллективистского идеала и индустриальных технологий.

Критическая теория социального апеллирует к социально-экономическим процессам, указывая, что эпоха Нового времени и является временем окончательной институализации капитализма, его превращения в доминирующую идеологическую систему. Несмотря на внутренние разногласия между консервативной и либеральной идеологией, по-разному осмысляющими процесс становления индустриального общества и тенденции его развития, обе эти идеологические системы исходят из капиталистических постулатов, фиксируя в качестве естественного состояния общества углубляющееся неравенство и отчуждение человека от своей собственной природы.

Следует отметить, что кризис все чаще становится способом описания современной социальной ситуации, причем многообразие форм его выражения – от периодических экономических кризисов до политических катаклизмов – ставит вопрос о системной природе кризиса, а именно – об его антропологическом характере. Антропологический кризис – дегуманизация человека, утрата его моральных и личностных качеств, что сопровождается вполне определенными социальными последствиями – усилением экстремистских тенденций, нарастанием напряженности во взаимоотношениях между различными этническими, культурными, социальными группами, отказом от общечеловеческих моральных ценностей, нашедших отражение в религиозных доктринах и памятниках культуры различных стран и народов. Этот кризис совпал с крахом идеи глобализма как механического объединения всех локальных сообществ под знаменем европоцентристских ценностей, но суть его оказалась глубже, чем неудача определенной геополитической доктрины. У современных философов, этиков, теоретиков культуры вызывает все большее опасение распад локальных сообществ (прежде всего, семьи), которые на протяжении столетий создавали «защитный кокон» вокруг человека, способный сохранить не только биологический, но и культурный потенциал, накопленный человечеством. Но ключевой проблемой диагностики антропологического кризиса является анализ его взаимосвязи с социально-экономическими, технологическими и социокультурными процессами, осуществляющимися в современном социальном пространстве. Особое значение в этом случае имеет обращение к категории «человеческий капитал».

В современных исследованиях рассматриваются три аспекта нематериального капитала:

1. Инкорпорированное состояние как накопление первичного капитала. К этому аспекту относятся физические и интеллектуальные компетенции индивида, являющиеся продуктом как его биологической природы (врожденные способности к математике), так и процесса социализации (умение рисовать).

2. Объективированное состояние капитала, включающее в себя набор культурных ценностей, отражающихся в конкретных продуктах его трудовой и творческой деятельности, включая принадлежность к различным политическим или культурным группам.

3. Институализированное состояние капитала, проявляющееся в материальных подтверждениях социального статуса индивида (сертификаты, патенты, удостоверения).

Первичный аспект является основным, а остальные лишь подчеркивают и удостоверяют наличие нематериального капитала, что соотносится с эпохой возникновения интеллектуального труда и изменением самой направленности производственного процесса. Если наибольшее значение (как экономическое, так и символическое) приобретает носитель определенных навыков и компетенций, значит именно интеллектуальный и творческий потенциал каждого работника должен стать тем капиталом, сохранность, воспроизводство и рост которого обеспечат эффективность и рентабельность самой капиталистической системы.

В рамках теории когнитивного капитализма стоит говорить о том, что антропологический кризис не является первопричиной обесценивания человеческого существования и личностных качеств, а является следствием сохраняющегося социального и экономического неравенства. Стратификация в современном обществе основывается уже не столько на отношении к процессу производства, сколько на возможности получения навыков и технологий обращения с информацией. Реальность по-прежнему структурирована в соответствии даже с некапиталистическими, а с феодальными отношениями, что заставляет говорить о возникновении цифрового нефеодализма.

В случае цифрового нефеодализма нет необходимости вести речь о какой-то катастрофе, поскольку он наступает как логическое следствие развития тех тенденций, которые были заложены в когнитивном капитализме. Его наиболее зримым проявлением становятся современные технологии, создающие виртуальное пространство и обеспечивающие возможность стабильного пребывания в нем, но базисом такого общества по-прежнему выступает социальное и экономическое неравенство, достигающее высшей степени цинизма. Цинизм заключается в том, что цифровое пространство (digital space) позиционируется как пространство абсолютной свободы, в котором каждый получает возможность реализации своих потребностей, даже в том случае если какие-то причины (физические или духовные) препятствуют их реализации в материальном мире. Но искусственный характер созданного мира, воспроизводство в виртуальной реальности социальных барьеров делает это пространство лишь очередной иллюзией человеческого равенства, суррогатом истинного освобождения человека от социального и антропологического отчуждения.

Цифровой нефеодализм раздваивает реальность, с одной стороны, создавая иллюзию равных возможностей и свободного творчества, а с другой – возвращая индивида в мир сословных перегородок и вынужденного труда. В этом смысле он продолжает логику когнитивного капитализма, доводя ее до закономерного завершения: человек не просто начинает работать на увеличение «человеческого капитала», не замечая, что этим понятием прикрывается его угнетенный труд на пользу господствующего класса, но и видит сферой реализации этого человеческого капитала сферу виртуальной реальности. Он, по сути, находится в двойной иллюзии: ему кажется, что он работает самостоятельно и свободно, а также, что он создает какой-то продукт своей деятельности.

В связи с этим нам хотелось бы сформулировать несколько основных тенденций трансформации когнитивного капитализма в цифровой нефеодализм:

1. Переориентация политического активизма на цифровое пространство;
2. Виртуализация и дигитализация трудовой деятельности;
3. Изменение хронотопа повседневного существования и ограниченная комбинаторика поведения;
4. Окончательная капитализация человека и его сведение к набору квази-творческих навыков.

Переориентация политического активизма на цифровое пространство. Виртуализация социальных сообществ способствует смещению и радикальному переосмыслению категорий «внутреннее – внешнее», поскольку пространство для политической и социальной активности съезживается до возможностей, предоставляемых цифровыми технологиями. Парадокс заключается в том, что данный феномен воспринимается как увеличение степени свободы, хотя неотъемлемым свойством цифрового пространства является его ограниченность. Индивид ограничен в своей способности выразить отношение к чему-либо, совершить какой-либо поступок даже не политическими условиями, а технологическими параметрами, заключенными в наличии определенных площадок для активизма (социальные сети, видео-хостинги). Естественно, что именно эти площадки становятся местом для совершения политических действий, но само смещение активности в ту сферу, которая заранее запрограммирована на четкое выполнение технологических алгоритмов, делает невозможным «свободное действие». Цифровая среда одним фактом своего существования ограничивает потенциал реализации человека, создает те рамки, в которые должен быть вписан современный активист – даже на самом банальном уровне технологической оснащенности и наличии доступа к указанным площадкам.

Виртуализация и дигитализация трудовой деятельности. Не менее важным является и экономический аспект. Человеческий капитал – это не самоцель, а лишь средство достижения поставленных информационной элитой целей, поэтому виртуализация рабочего процесса, перенос акцентов с создания материальных предметов на разработку нематериального содержания виртуальной реальности лишь меняет набор навыков, которые необходимы исполнителю для квалифицированного исполнения полученного задания.

Это позволяет ввести М. Пасквинелли специальный термин «когнитивный бизнес», который определяется как «совокупность институтов, осуществляющих деятельность в сфере нематериального производства и использующих креативный труд как источник увеличения собственного благосостояния». Такой бизнес, по его мнению, не просто основан на человеческом капитале, он «паразитирует» на сознательной эксплуатации креативных возможностей человека, которые превращаются лишь в источник увеличения благосостояния.

Изменение хронотопа повседневного существования и ограниченная комбинаторика поведения. Другим свойством виртуализации человеческого бытия становится изменение привычных пространственно-временных координат. Существования в интернет-пространстве избавлено привычных рамок пространства и времени, что фиксируется различием терминов *involvement* и *engagement*. Оба они имеют значение вовлеченности во что-либо, но имеют существенное различие: *involvement* означает физическое присутствие в каком-то месте, в то время *engagement* – включенность в определенную систему связей, какое-то сообщество. Если для традиционного общества пребывание в определенном месте и означало включенность в структуру взаимодействия (индивид находится в определенное время на городской площади, значит, он участвует в Народном собрании), то с развитием цифровых технологий

присутствие и вовлеченность перестают соответствовать друг другу. Современный подросток может ехать в вагоне метро, но, при этом, участвовать в коллективном общении в чате со своими друзьями. Причем локализация этого общения относительно физического пространства в принципе оказывается невозможной, поскольку это общение происходит одновременно там, где находятся его участники, но при этом остается неопределенным его точное местоположение.

Таким образом, внепространственность и вневременность делают невозможной привычную систему связей, в частности, между прошлым, настоящим и будущим. Взаимодействие всегда происходит «здесь и сейчас», что исключает возможность отсылок к предшествующей традиции. Можно сказать, что возникает «схлопывающаяся Вселенная», что не означает, однако, увеличения степени свободы для конкретных индивидов. По сути, им предлагается неограниченное количество комбинаций, но сама структура и границы этих комбинаций задаются не самими индивидами, а условиями функционирования цифровой реальности. В этом смысле «осовременивание» социального взаимодействия, которое, по идее, должно было избавить настоящее от диктата прошлого, превращается в новую форму контроля, остающуюся незамеченной в силу огромного количества действий, допустимых в установленных рамках.

Окончательная капитализация человека и его сведение к набору квазитворческих навыков. В итоге, трансформируется и сам способ эксплуатации «человеческого капитала». Если в когнитивном капитализме капитализация осуществлялась в виде задействования креативных навыков человека в сфере материального производства, а когнитивный потенциал индивида становился ресурсом изменения и преобразования действительности, то цифровой неофеодализм переносит деятельность человека в сферу виртуального производства. Вопрос, в данном случае, возникает даже не в свойствах произведенного продукта, а самом использовании творческого потенциала человека, ориентированном на воспроизводство заранее заданных параметров реализации его фантазии и волевых устремлений. Написание компьютерной программы или создание аккаунта в социальной сети представляет собой не творческий процесс, а лишь воспроизводство заранее задуманных и отработанных алгоритмов, поэтому подобная деятельность может характеризоваться лишь как квази-креативная.

В «Заключении» подводятся итоги проведенного исследования и намечаются дальнейшие перспективы.